

КАРП АНДРЕЕВ

ОДНОРАНГОВАЯ ЭКОНОМИКА

Карп Андреев

Одноранговая экономика

«Издательские решения»

Андреев К.

Одноранговая экономика / К. Андреев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-938716-5

Одноранговая экономика — это новая форма экономической самоорганизации миллионов участников горизонтальных сетей. Сегодня она проявляет себя в технологиях блокчейна и распределенного хранения данных, электронных торговых площадках и аукционах, сервисах взаимного размещения и равноправного кредитования. Распространяясь в новые сферы хозяйственной и социальной жизни, одноранговая экономика может изменить привычную для нас систему производства, обмена и распределения экономических благ.

ISBN 978-5-44-938716-5

© Андреев К.
© Издательские решения

Содержание

Введение	6
Часть I	7
Глава 1. Время экономических сетей	7
Глава 2. Исторический капитализм	12
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Одноранговая экономика

Карп Андреев

© Карп Андреев, 2019

ISBN 978-5-4493-8716-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Введение

Настоящая книга представляет собой попытку с разных сторон взглянуть на будущее мировой экономики. Многие рассуждения и выводы, сделанные на ее страницах, основаны на работах признанных классиков экономической теории, другие связаны с мыслями современных исследователей, рассматривающих наиболее острые проблемы экономического порядка. Сегодня перед экономической наукой, равно как и перед более широким кругом социальных наук, стоит задача объяснить происходящие в мире процессы и критически осмыслить проблемы, с которыми сталкивается глобальная экономика. Это не только научная, но и гуманитарная задача, решать которую необходимо с использованием всего доступного экономистам специального аналитического аппарата, а также с помощью любых выходящих за его рамки релевантных инструментов. Как следствие, очевидна потребность в синтезе различных подходов, объединении таких дисциплин, как макроэкономика, социология, политическая экономия, кибернетика, теория графов и т. д. Подобный синтез представляется критически важным механизмом перехода к более глубокому пониманию текущей ситуации.

Мировая экономика вступила в период турбулентности. Данная фаза характеризуется высокой степенью неопределенности будущего экономических и социальных институтов. Неопределенность предполагает множество вариантов новой организации или самоорганизации субъектов экономической деятельности. Многочисленные работы современных ученых, политэкономов, футурологов указывают на наступление посткапиталистической стадии развития. Хотя ее версии разнятся в зависимости от избранных подходов и первоначальных установок, масштаб приближающейся трансформации, безусловно, сопоставим лишь с самыми яркими эпизодами преобразований, знакомыми нам из истории. Ход событий в современном мире опровергает некогда провозглашенный Фрэнсисом Фукуямой и его последователями тезис о «конце истории». Мировое производство, финансы, торговля, денежное обращение и другие важные элементы экономической системы подвергаются мощным тектоническим сдвигам, предвещающим значительную историческую новизну. Не отстает от них и глобальная политика.

Изменения, о которых пойдет речь, разумеется, не могут произойти моментально. Пройдут десятилетия, прежде чем наметившиеся сегодня тенденции проявят себя в полной мере. Кроме того, развитие социально-экономических процессов носит поливариантный характер. Одноранговая экономика – центральная тема нашей книги – представляет собой лишь один из наиболее вероятных сценариев. Тем не менее значимость ее составляющих настолько высока, что было бы непростительной ошибкой не подвергнуть их самому пристальному изучению. Результаты такого исследования, могут оказаться интересными не только для ограниченного круга интеллектуалов, но и для активных участников экономической деятельности, практиков политического управления, а также для непосредственных субъектов одноранговых процессов.

Часть I

Глава 1. Время экономических сетей

Нам выпало жить в эпоху перемен. В первой четверти XXI века устройство мировой экономики, политики и даже самой социальной жизни подошло к точке качественных преобразований. Атмосфера подобных трансформаций всегда рождает чувство внутреннего трепета, а вместе с ним и интуитивное предвосхищение новой реальности. Но какой будет эта реальность? К чему приведут масштабные сдвиги в области технологий, коммуникаций и организации общественных институтов? Где возникнут очаги нового роста? Что произойдет с той частью нашего исторического багажа, которую придется оставить в прошлом? Сегодня мы можем попытаться дать ответ на поставленные вопросы, взглянуть на происходящие изменения в их перспективе. Хотя эта перспектива пока, говоря словами Апостола Павла, видится нам как бы сквозь тусклое стекло, гадательно, некоторые детали постепенно приобретают известную четкость.

Одним из наиболее важных аспектов новой реальности является снижение роли вертикальных структур и иерархических связей, которые в прошлом обеспечивали эффективное функционирование сложных социальных и экономических систем. Иерархическая организация, столетиями занимавшая центральное место в системе управления, переживает один из самых драматичных кризисов за все время своего существования. В самых разных сферах человеческой жизни иерархии перестают отвечать на ежедневно возникающие вызовы информационного общества, а в некоторых случаях попросту исчезают в потоке быстро меняющихся процессов новой самоорганизации. На смену вертикальной модели управления приходит система сложных горизонтальных связей. Ключевым свойством данной системы является принципиально иной субъектный состав участников. Место традиционных институтов уходящего времени, комфортно чувствовавших себя в условиях иерархического общества, занимают новые, более динамичные и гибкие структуры.

В последние годы мы стали свидетелями лавинообразного появления совершенно новых систем коммуникации и организации социально-экономического взаимодействия. Эти новые системы охватывают человеческое общение, обучение, предпринимательскую деятельность, торговлю, финансово-кредитные операции и многое другое. Одним из примеров таких систем являются социальные сети, которые не только прочно вошли в жизнь современного общества, но и успели стать комфортной средой для межличностного общения, обмена информацией и самоорганизации. Для многих активных пользователей социальные сети служат основным пространством самоидентификации, а виртуальный образ начинает играть более значимую роль, нежели образ в реальном мире. Впрочем, дело не только в социальных сетях, представляющих собой лишь частное проявление растущего значения сетевых структур. Все мы чувствуем, что происходят фундаментальные изменения в социальной ткани общества, на всех этажах его огромного здания. Кардинально меняется роль информации в нашей жизни. Информационный поток сегодня живет по своим собственным законам, которые диктуют правила игры социуму и трансформируют нашу цивилизацию.

Обновление переживает не только информационная сфера. Материальная часть жизни общества, его экономическая основа также оказались восприимчивы к происходящим метаморфозам. Экономика 90-х годов XX века кардинально отличается от того, что мы видим сегодня. Кто мог представить 20 лет назад широту охвата, достигнутую в наши дни современными средствами связи и мультимедиа? В начале третьего тысячелетия не было даже намека на десятки тысяч новых компаний, бизнес-моделей и целых индустрий, определяющих сегодня

вектор экономического развития по всему земному шару. Горизонтальные сети шаг за шагом становятся доминирующей организационной формой в корпоративном мире и в глобальной среде коммерческих отношений между более мелкими экономическими агентами. Такие платформы, как *Amazon*, *Alibaba* и *eBay*, революционизировали торговлю товарами по всему миру. Так, в 2018 году частные производители одежды в США продали через *Amazon* больше товаров, чем любая крупная компания модной индустрии. За считанные годы на этом отдельно взятом рынке произошел фантастический сдвиг в пользу небольших предпринимателей, использующих горизонтальные каналы продаж и распространения своей продукции. В то же время *Uber*, *BlaBlaCar* и *Airbnb* в корне изменили экономику пассажирских перевозок и размещения, сделав основой своей бизнес-модели децентрализацию и самоорганизацию контрагентов.

Традиционные транснациональные корпорации также переживают период обновления. Сегодня они стремятся к минимизации инвестиций в производство, а в некоторых случаях и к полному отказу от владения производственными мощностями. Компании *Ikea*, *Inditex* и *Li & Fung* больше напоминают агрегаторов, покупающих готовые товары у разветвленной сети производителей по всему миру и обеспечивающих маркетинг, дистрибуцию, брендинг и продажи этой продукции. Иными словами, на переднем крае современных ТНК происходит отказ от капиталоемких инвестиций и жестких иерархий управления. На смену им приходит управление потоками информации и компетенций. Особенно активный рост за последние годы продемонстрировали сектора экономики, связанные с информационными технологиями и массовыми коммуникациями. Крупнейшие компании этой сферы – *Google*, *Facebook*, *Yandex*, *Netflix*, *Twitter* и многие другие – определяют сегодня курс дальнейшего развития технологий, производства, потребления и использования свободного времени.

Испанский социолог Мануэль Кастельс одним из первых предложил называть общество, возникшее в результате последних изменений, сетевым. С его легкой руки термин «сетевое общество» стал использоваться для обозначения современного состояния человеческой цивилизации, в рамках которого ключевые социальные структуры и практики складываются на базе информационных сетей. Сети, таким образом, превращаются в базовые единицы, из которых сплетается вся социальная ткань. По мнению Кастельса, ключевую роль в новой социально-экономической организации играют технологические свойства сетевых связей и коммуникаций, но при этом их логика становится определяющей для производственных, культурных и управленческих процессов, находящихся за пределами одних только информационных технологий. Горизонтальные сетевые структуры вытесняют корпоративные и государственные бюрократические иерархии, что приводит к разложению всех форм централизованного управления: «Сети растворяют центры, дезорганизуют иерархии и делают практически невозможным само существование иерархической власти вне прохождения управленческих сигналов через сети с учетом их морфологических правил»¹.

Конечно, для экономики сети не являются чем-то неизвестным или в высшей степени исключительным. Сетевые формы организации существовали как важный фактор хозяйственной жизни общества с древнейших времен. Торговые сети опутали Средиземноморье еще на заре Античности; то же, но с большим размахом повторилось в средневековой Европе; в Юго-Восточной Азии сетевая коммерция процветала задолго до этого². Однако ни в одном из этих случаев система горизонтальных экономических связей не была центральным элементом экономического уклада. Она всегда играла второстепенную, хотя и важную роль, так как древнее хозяйство основывалось в первую очередь на иерархичных производственных моделях (античное рабовладение, феодально-ленная система и пр.). Но главное, горизонтальные сети никогда не охватывали такое количество людей, обладающих относительной свободой

¹ M. Castels. Materials for an Exploratory Theory of Network Society. *British Journal of Sociology* 51 (1), 2000.

² J. Abu-Lughod. *Before European Hegemony: The World System A.D. 1250—1350*. Oxford University Press, 1991.

в экономической деятельности, да еще и по всему миру. Как справедливо указывает Кастельс, в современном мире сети оформились в новую социальную морфологию общества, а информационные технологии обеспечили материальную базу для ее внедрения в социальную структуру, сделав сетевые формы организации доминирующими. Это, в свою очередь, породило социальные установки более высокого порядка, чем специфические социальные интересы, выраженные сетевыми элементами³.

Проблематика сетевого общества привлекла внимание многих исследователей. В 70-х годах XX века французские философы Жиль Делез и Феликс Гваттари в своих работах «Капитализм и шизофрения» и «Тысяча плато» использовали биологический термин «ризома» (корневище) для обозначения новой нелинейной и неиерархической модели организации социальной целостности. Согласно их концепции, у ризомы нельзя выделить ни начала, ни конца, ни центра, ни центрирующего принципа («генетической оси»), ни единого кода⁴. Ключевым свойством ризомы является множественность, которая противопоставлена иерархическому принципу линейности и единства, характерных, например, для дерева. Ризома отражает горизонтальные (межвидовые) и плоскостные связи, древовидная модель – вертикальные и линейные связи. У ризомы отрицание единства – центрального свойства дерева – на всех уровнях проявляется в отсутствии главного стебля или главного корня⁵. Хотя в работах Делеза и Гваттари ризома относится к общепhilosophическим категориям, данный подход может оказаться полезным и для описания некоторых качеств новой экономической системы, построенной на сетевых принципах. Например, мы знаем, что классической досетевой модели экономики свойственен определенный набор стержневых отраслей или сегментов; в экономике сетевого общества, напротив, такие оси размываются вследствие усиливающейся конвергенции между различными отраслями, индустриями и рынками большого экономического пространства.

Сегодня ни у кого не вызывает сомнений, что мир и его экономическая организация за последние два десятилетия претерпели кардинальную перестройку. Взрывной рост новых технологий, компьютеризация, цифровизация и ускорение обмена информацией оказали мощнейшее влияние на все сферы деятельности человека в общем и сферу коммуникаций в частности. Изменение характера коммуникации в социальной и экономической жизни стало центральным элементом наиболее важных процессов эволюции человеческого общества. Это неудивительно, так как сознательная коммуникация всегда была отличительной характеристикой человека как вида. Получив доступ к новым средствам коммуникации, связывающим социальные группы, информационные пространства, финансовые и товарные рынки в единое целое, человек стал непосредственным участником макропроцессов, к которым ранее не имел прямого доступа. Всемирная сеть открыла эту возможность для большей части населения земли. При этом за относительно короткий (по историческим меркам) отрезок времени в Интернете сформировался новый рынок труда, производства и потребления, а виртуальность стала неотъемлемой частью повседневной жизни миллиардов людей (График 1).

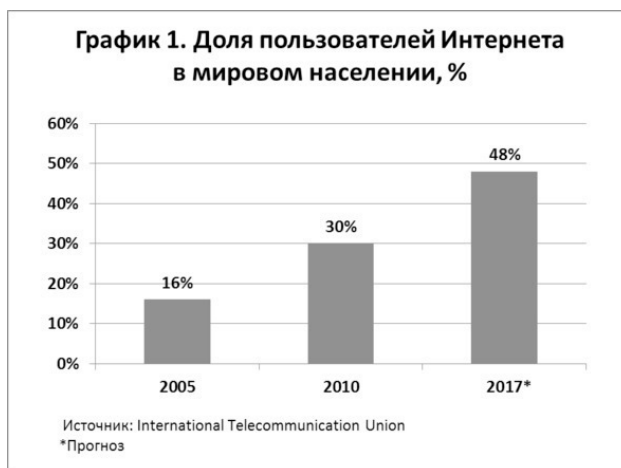
Сети становятся доминирующей формой организации социальной активности и информационного обмена. Наряду с этим происходит развитие новой системы экономических связей, также опирающейся на сетевые принципы организации. По своей сути это сетевая экономика, в которой значение прямых связей между отдельными (иногда разновеликими и удаленными друг от друга) экономическими субъектами становится выше, чем экономическая централизация и иерархические формы управления. Длительное время господствовала точка зрения, согласно которой электронные сети являются лишь сегментом (пусть и инновационным) более широкой экономической системы. Сегодня очевидно, что они представ-

³ M. Castels. The Rise of the Network Society. Wiley-Blackwell, 2010.

⁴ А. А. Грицанов, М. А. Можейко. Постмодернизм. Энциклопедия. Минск: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2001.

⁵ Ж. Делез, Ф. Гваттари. Капитализм и шизофрения: Тысяча плато. Екатеринбург: У-Фактория, 2010.

ляют собой нечто большее, нежели отдельный сегмент экономики. Скорее, это формирование нового экономического уклада, который характеризуется определенными техническими особенностями (скорость обмена информацией, электронная форма, информационный характер), а также собственными уникальными качествами. Речь идет о новых способах организации производства и потребления, горизонтальном характере взаимодействия между участниками экономических отношений и увеличении степени автономности их поведения.

Входные барьеры для субъектов экономических отношений в глобальной сети являются чрезвычайно низкими. Фактически любой индивид, имеющий в своем распоряжении несложный электронный гаджет и доступ к сети, может беспрепятственно стать экономическим агентом, действующим в этой системе. Кроме того, отсутствуют и значимые препятствия для взаимодействия между участниками при проведении транзакций. Социальный статус, национальная принадлежность, формальный уровень образования и прочее теряют свою актуальность как факторы, определяющие экономические и профессиональные возможности. Такое положение дел было красноречиво описано менеджментом одной из скандинавских компаний, запустившей проект электронного обменного сервиса, который конвертирует криптовалюты в традиционные денежные знаки. Основной целевой аудиторией данного проекта стало многомиллионное население Ближнего Востока (преимущественно Пакистана, Афганистана и Ирака). Главный образом проекта ориентирован на лиц, которые обладают доступом к глобальной сети, но при этом не имеют ни счета в банке, ни банковской карты. Маркетинговые исследования показали, что для такой аудитории выполнение несложной и оплачиваемой криптовалютами работы на рынке услуг онлайн является единственной реальной возможностью заработать, а затем потратить полученные средства на приобретение цифрового контента. На данном примере мы видим, что информационные сети имеют колоссальный потенциал проникновения даже в самые архаичные и экономически неразвитые социальные среды.

Однако если сетевое информационное общество несет в себе зерна новой экономической организации, мы вынуждены подвести черту под существовавшим ранее порядком. В том числе это означает, дать ответы на вопросы, как сетевое общество соотносится с капитализмом, совместимы ли они, могут ли быть приведены к одному знаменателю. В свое время американский социолог Даниел Белл использовал понятие постиндустриальной экономики для описания экономической системы, в которой удельный вес сферы обслуживания и информационных технологий в общем объеме экономической деятельности превышает вес индустриального производства. Белл подчеркивал, что в постиндустриальном обществе увеличивается роль информации и знания, вокруг которого выстраивается новая система социального контроля и инновационного развития, тогда как сам концепт капитализма в значительной степени

утрачивает адекватность для описания формирующегося общества, ибо в своей классической форме, основанной на «принципах прибыли и экономического рационализма», уже не соответствует времени. На смену доминировавшему в индустриальную эпоху капиталистическому классу приходит класс технократов и менеджеров, выступающий в роли новой меритократической элиты и авангарда постиндустриальной модели экономического развития⁶. Однако последние десятилетия показали: хотя прогнозы Белла и высветили важные признаки трансформации экономической системы, указав на растущую роль информации и знания как фактора производства, они не были реализованы в главном. Система продолжила воспроизводить базовые признаки капиталистического способа производства даже в своей постиндустриальной форме. Тем не менее институциональный дизайн капитализма действительно изменился: кардинально выросла доля сервисных и информационных отраслей в глобальном валовом продукте, сократился разрыв в развитии между регионами мира, состоялась трансформация политической и экономической элиты.

Мануэль Кастельс был менее радикален в своих прогнозах и не стал отказывать капитализму в праве на существование в связи с происходящими переменами. В одной из своих поздних работ Кастельс писал, что «вертикальная дезинтеграция корпораций не означает конец концентрированной экономической власти как таковой»⁷. Сетевое общество делает капитализм более эффективным, снижает издержки, меняет роли основных участников производственного процесса, создает дополнительный потенциал для инновационной деятельности, но не исключает основные принципы капиталистического производства. В отличие от индустриальной эры, на новом этапе развития капиталистические рынки приобретают новую динамику развития, связанную с переходом от простой иерархической модели к системе горизонтальных корпораций, сетевых предприятий. Массовое производство и потребление постепенно уступают место более гибким моделям взаимодействия потребителей и производителей.

Действительно, мы видим все больше свидетельств того, что в сетевом обществе перестают эффективно работать социальные механизмы, основанные на вертикальных и формализованных структурах. Между тем распространение сетевой морфологии не означает их полного исчезновения. Любая сложная система, в том числе и сетевая, может включать в себя множество сложных иерархий. Правда, характер иерархичности в таких случаях кардинально отличается от линейных (вертикально интегрированных) структур. В значительной степени он подчинен законам сетевой логики и сопряжен с ними. Следовательно, мы можем рассматривать простую модель горизонтальной сети в качестве отправной точки для анализа этой сложной системы. Такое упрощение позволит нам яснее представить динамику развития всего сетевого общества и решить вопрос о его «совместимости» с капитализмом.

⁶ D. Bell. The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting. Basic books, 1976.

⁷ M. Castels. Materials for an Exploratory Theory of Network Society. British Journal of Sociology 51 (1), 2000.

Глава 2. Исторический капитализм

В первой главе мы поставили многоточие в вопросе о соотношении сетевого общества и капитализма. Данная проблема имеет принципиальное значение: невозможно обсуждать трансформацию современной экономики, не разобравшись, совместимо ли дальнейшее развитие сетевых структур с капиталистической средой или одно исключает другое. Сам по себе капитализм представляет собой историческое явление. Его возникновение и развитие происходят в определенном историческом контексте, характер которого задает рамки для нашего исследования. Кроме того, у капитализма имеется особое экономическое содержание, которое необходимо раскрыть, проводя ревизию его современного состояния и ближайших исторических перспектив. Решая эту задачу, мы не можем обойтись без целостной картины, уходящей своими корнями в основы политической экономии. Таким образом, очевидна потребность в использовании интеллектуального наследия Карла Маркса – хотя бы той его части, которая сохранила свою актуальность в XXI веке. При анализе нам также поможет современная мир-системная теория, сочетающая в себе широту взгляда на исторические условия возникновения капитализма с глубоким пониманием его структурных основ как мировой системы. Необходимо отметить, что в настоящей книге капитализм рассматривается «по модулю», то есть без положительных или отрицательных оценок. В первую очередь нас интересуют закономерности его функционирования и развития.

Согласно Марксу, возникновение капитализма относится к XVI веку и происходит в Европе на фоне упадка экономической структуры феодального общества⁸. Основным условием этого процесса является освобождение непосредственных производителей – крестьян, ремесленников, работников – от крепостной зависимости и цеховых ограничений. Избавившись от влияния феодальных институтов, непосредственные производители превращаются в рабочих и получают возможность относительно свободно распоряжаться своей рабочей силой. Происходит постепенное изменение способа производства; именно наличие свободно продаваемой рабочей силы превращает простое товарное производство в капиталистическое. В экономике появляются два отдельных макросубъекта – владелец стоимости (денег) и владелец рабочей силы. На историческую авансцену выходит капитал – общественная сила, обеспечивающая новый механизм соединения средств производства и непосредственных производителей, то есть наемных рабочих. Маркс писал: «Кооперация наемных рабочих есть, далее, только результат действия капитала, применяющего этих рабочих одновременно. Связь их функций и их единство как производительного совокупного организма лежит вне их самих, в капитале, который их объединяет и удерживает вместе»⁹. С другой стороны, толчком для развития капиталистических отношений выступает изменение производительных сил европейского общества. Поначалу оно проявляется в развитии мануфактурного производства. Именно мануфактура становится первой формой организации общественной кооперации труда через конструирующую роль капитала. В дальнейшем эта модель будет воспроизведена в машинной промышленности, где переворот в способе производства происходит уже не только за счет рабочей силы, но и за счет средств труда, то есть машин или машинного капитала. Таким образом, Маркс понимает капитализм как общественно-экономическую формацию, которой соответствует особый способ производства. Эта капиталистическая формация стоит в одном ряду с другими экономическими эпохами: первобытнообщинной, рабовладельческой и феодальной.

Мир-системный анализ рассматривает капитализм как единую мировую систему, то есть совокупность связанных в единое целое исторических сообществ и отношений между ними,

⁸ К. Маркс. Капитал. Т. 1. М.: АСТ, 2001.

⁹ Там же.

обусловленных общей логикой экономического и политического взаимодействия. Эта система на разных отрезках времени определяет характер функционирования всей мировой экономики. Иммануил Валлерстайн так характеризует соотношение капитализма и мир-экономики: «С возникновением современного мира-экономики в Европе XVI в. мы видим полное развитие и преобладание рыночной торговли. Это была система, которую называют капитализмом. Капитализм и мироэкономика (то есть единая система разделения труда при политическом и культурном многообразии) являются двумя сторонами монеты»¹⁰. Изучение капитализма как мировой системы позволяет детально рассмотреть динамику его развития, сформировать панорамную картину капиталистических механизмов и практик в глобальном масштабе. Такой подход дает ответы на важные вопросы, которые оказались в тени внимания классиков марксизма, не умаляя при этом их основных выводов (например, сосуществование в мировой капиталистической системе различных экономических укладов, вопрос о территориальной экспансии капитализма и др.).

В отличие от Маркса и Энгельса, которые изучали капитализм как способ производства или экономическую формацию, мир-системная теория решает задачи, лежащие за рамками капиталистической системы производственных отношений. Во-первых, эта теория помещает в фокус своего внимания глобальный характер капитализма. Это очень важный момент, так как сегодня в изучении процессов экономической трансформации и сетевой самоорганизации невозможно ограничиваться рамками национальных государств. Во-вторых, она проливает свет на реальное взаимодействие современных социальных и экономических институтов капиталистического мира, открывая путь для изучения конфликта сетей и иерархий, централизации и децентрализации, концентрации и рассредоточения капитала в условиях современной капиталистической системы. Говоря о фундаментальных сдвигах, касающихся способа производства и затрагивающих такие понятия, как производительные силы, разделение труда, стоимость, отчуждение, средства производства, товары и т. д., то есть о самой природе капитализма, мы будем обращаться к теоретическим конструкциям Маркса. В тех же случаях, когда речь будет идти о функционировании мировой капиталистической системы и ее эволюции, мы дополним аппарат Маркса результатами мир-системных исследований.

Остановимся чуть подробнее на основных чертах и характеристиках капиталистической мир-системы, многие из которых были описаны на основе исследований французского историка Фернана Броделя¹¹. Так, с точки зрения Валлерстайна, капитализм «основывается на бесконечном накоплении капитала. Его структура образована осевым социальным разделением труда, выражающим напряжение по линии центр – периферия»¹². Следовательно, регионы и страны в капиталистической мир-экономике могут выполнять одну из трех функций: центра (ядра), полупериферии и периферии. В совокупности эти элементы составляют иерархическую структуру мирового капитализма. Между участниками капиталистической мир-системы происходит неравный экономический обмен, зависящий от конкретной роли, которую та или иная страна (группа стран) играет в иерархии с точки зрения вовлеченности в мировую специализацию и цепочку разделения труда. Важнейшей функцией ядра является перераспределение ресурсов в мир-системе и осуществление вертикального управления экономическими, политическими и культурными процессами. На ядро замыкаются основные товарно-денежные потоки. Периферия состоит из наиболее отсталых регионов, находящихся в зависимом положении. Они являются источником ресурсов, наиболее дешевой низкоквалифицированной рабочей силы, а также рынком сбыта для продукции центра. Страны полупериферии занимают промежуточное положение: они обладают определенными возможностями для защиты

¹⁰ И. Валлерстайн. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. М.: Университетская книга, 2001.

¹¹ Ф. Бродель. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV—XVIII вв. Т. 2. М.: Весь мир, 2006.

¹² И. Валлерстайн. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. М.: Университетская книга, 2001.

своих интересов, но экономически находятся позади центра. Существенная черта капиталистической мир-экономики, согласно Валлерстайну, заключается в производстве для продажи на рынке, где цель состоит в получении максимальной прибыли. В такой системе производство постоянно расширяется, пока это расширение остается прибыльным. Рынок определяет в долгосрочном плане объем производственной деятельности, степень специализации, способы оплаты труда, товаров и услуг, использование технологических изобретений¹³.

За время своего существования капиталистическая мир-система пережила несколько этапов развития. Каждый из них был связан с определенными структурными и организационными особенностями. В рамках мир-системной теории предложены различные точки зрения на момент зарождения капитализма как мировой системы; еще больше разногласий вызывает периодизация его исторического становления. В целом капиталистическая система возникает в Европе на закате Средневековья, в промежутке между 1450 и 1650 годами. Фернаном Броделем этот период назван «долгим» XVI веком. Мир-системная теория склоняется к определению локуса возникновения капитализма в северной части Апеннинского полуострова. Так, по мнению итальянского историка и экономиста Джованни Арриги, истоки капитализма «лежат в формировании в средневековой системе правления региональной подсистемы капиталистических городов-государств в северной Италии»¹⁴. Мы не будем подробно останавливаться на причинах возникновения капитализма, которые также являются предметом горячих споров. Скажем лишь, что большинство сторонников мир-системного подхода полагают, что возникновение капитализма было обусловлено ростом «средней» торговли, формированием институтов торгового финансирования и аккумуляции, а также сопутствующим развитием внутриевропейского разделения труда. В частности, Арриги указывает, что «в раннем Средневековье, конечно же, существовала торговля. Но она была в основном либо „локальной“, в районе, который можно рассматривать как „расширенное поместье“, или же „дальней“, преимущественно предметами роскоши. Не существовало обмена основными товарами в районах промежуточной протяженности и, соответственно, производства для таких рынков. Позже в Средние века можно говорить о появлении миров-экономик – один с центром в Венеции и второй – с центром в городах Фландрии и Ганзы. По различным причинам эти структуры сильно пострадали от потрясений (экономических, демографических и экологических) периода 1300—1450 гг. И лишь с созданием европейского разделения труда после 1450 г. капитализм обрел прочные корни»¹⁵. Затем уже позднее он развился путем расширения в пространстве своих базовых структур и внутри них путем прогрессивной «механизации» производственной деятельности¹⁶.

Мы можем заметить разницу в оценке процессов становления капитализма между мир-системным анализом и классической теорией, сформулированной Карлом Марксом. Сам Маркс отдавал должное той роли, которую сыграли географические открытия, рост мировой торговли и фактор торгового капитала в вопросе перехода от феодального способа производства к капиталистическому. «Внезапное расширение мирового рынка, возросшее разнообразие обращающихся товаров, соперничество между европейскими нациями в стремлении овладеть азиатскими продуктами и американскими сокровищами, колониальная система, – писал он, – все это существенным образом содействовало разрушению феодальных рамок производства»¹⁷. Тем не менее для Маркса главной проблемой оставалось объяснение материальной основы и базовых закономерностей капиталистического способа производства в широком историческом контексте. Даже в первоначальном накоплении он видел исторический процесс

¹³ Там же.

¹⁴ Дж. Арриги. Долгий двадцатый век: Деньги, власть и истоки нашего времени. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006.

¹⁵ Там же.

¹⁶ И. Валлерстайн. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. М.: Университетская книга, 2001.

¹⁷ К. Маркс. Капитал. Т. 3. М.: АСТ, 2001.

отделения производителя от средств производства, акцентируя внимание на роли первоначального накопления в трансформации основ общественного производства.

Важной частью изучения исторической динамики капитализма стала концепция системных циклов накопления капитала, в среднем продолжающихся около 150—200 лет. Общая идея системных циклов связана с анализом характеристик капиталистического мира-системы в зависимости от конкретного географического центра, формы и способа аккумуляции капитала. Двигаясь в этом направлении, Джованни Арриги вынес общую формулу капитала Д – Т – Д» (Деньги – Товар – Деньги»), предложенную Марксом, за пределы логики индивидуальных капиталистических инвестиций и обращения капитала. У Арриги данная формула приобрела свое собственное, новое значение для описания повторяющихся закономерностей исторического капитализма как мир-системы, т. е. для анализа закономерности движения собственно системных циклов накопления. Основная особенность этой закономерности состоит в чередовании эпох материальной экспансии (этапов накопления капитала Д – Т) с фазами финансового возрождения и экспансии (стадии Т – Д»). В фазах материальной экспансии денежный капитал «приводит в движение» растущую массу товаров, включая товаризованную рабочую силу и природные ресурсы; в фазах финансовой экспансии растущая масса денежного капитала «освобождается» от своей товарной формы, при этом накопление осуществляется посредством финансовых сделок, как в сокращенной формуле у Маркса (Д – Д»). Вместе эти две эпохи (или фазы) составляют полный системный цикл накопления (Д – Т – Д»)¹⁸. Интересно, что в предложенной модели, как подчеркивает сам Арриги, денежный капитал (Д) означает ликвидность, гибкость, свободу выбора. Товарный капитал (Т) означает капитал, вложенный в особую комбинацию производства-потребления с целью получения прибыли. Следовательно, он означает конкретность, негибкость и сужение возможностей. Д» означает расширение ликвидности, гибкости и свободы выбора¹⁹. Таким образом, финансовая экспансия капитала всегда является предвестником смены очередного цикла. Всего же, согласно Арриги, мировая капиталистическая система пережила 4 системных цикла накопления: генуэзский (XV – начало XVII вв.), голландский (конец XVI – конец XVIII вв.), британский (середина XVIII – начало XX вв.) и американский, начавшийся в конце XIX века и продолжающийся по сей день. Стоит отметить, что Иммануил Валлерстайн выделял лишь три системных цикла: голландский, британский и американский²⁰. Так или иначе, системные циклы играют важную роль для понимания общего направления развития капиталистической мир-системы, поскольку могут подсказать грядущие изменения ее институционального дизайна.

Используя концепцию Д – Т – Д», наложенную на динамику системных циклов, можно посмотреть, как на практике происходила смена двух фаз – материальной и финансовой. На первом этапе цикла начинается использование имеющегося капитала в целях материальной экспансии: торговли, промышленного производства и т. д. В генуэзском цикле это была средиземноморская и черноморская торговля, а затем торговая экспансия иберийских монархий; в голландском цикле – прибалтийская торговля, а затем заморская экспансия Ост-Индской компании; в британском цикле – рост национальной промышленности и торговая экспансия Британской империи в колониях; в американском цикле – расширение глобальной торговли и производства транснациональных корпораций. Постепенно объем капитала, накопленного в результате сверхприбылей от материальной экспансии, становится настолько большим, а конкуренция на рынках, послуживших основой и направлением материальной экспансии, настолько острой, что дальнейшее использование избыточного капитала на этих

¹⁸ Дж. Арриги. Долгий двадцатый век: Деньги, власть и истоки нашего времени М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006.

¹⁹ Там же.

²⁰ И. Валлерстайн. Исторический капитализм. Капиталистическая цивилизация. М.: КМК, 2008.

рынках и в материальной сфере теряет экономический смысл. Начинается фаза финансовой экспансии, в ходе которой капитал становится преимущественно инструментом финансовых инвестиций. В генуэзском цикле это были банковские и финансовые операции, обслуживавшие европейскую торговлю, в особенности кредитование Испанской империи для покрытия нужд ее территориальной экспансии и финансирования военных конфликтов; в голландском цикле – инвестиции и финансовые операции по всей Европе, а также в колониях; в британском цикле – кредитные и финансовые рынки практически всего мира. Финансовая фаза системных циклов всегда была предвестником их завершения и смены капиталистического ядра. С этой точки зрения в данный момент мировая экономика находится на стадии финансовой экспансии американского цикла и приближается к его завершению.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.